

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Малинова Изабелла Павловна

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ruzh@usla.ru

Рассматривается методологическая составляющая истории и философии науки. Исследуется влияние философских дискурсов на правовое мышление. Дан оригинальный анализ оппозиций классической и неклассической философии права, их противоборства в правосознании и юридической науке XX–XXI вв.

Ключевые слова: наука, право, метод, методология, дискурс, парадигма

HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Malinova Izabella

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ruzh@usla.ru

The author investigates a methodological component of history and philosophy of science. She studies how philosophical discourses have influenced the legal thinking. There is a novel analysis of the oppositions of classic and non-classic philosophy of law, their confrontation in legal awareness and legal science of the 20–21st centuries.

Key words: science, law, method, methodology, discourse, paradigm

1. Понятия философии науки: «метод», «методология», «научный дискурс»

Предметная область философии науки – эпистемология, т. е. когнитивные, социокультурные и технологические аспекты развития науки, а также трансляции и реализации научного знания. **Один из главных признаков научности теории – методологичность.** В научной теории, научном тексте содержатся такие методологические модели, которые могут быть использованы и другими учеными как в целях дальнейшего развития данной теории, так и в других научных областях.

Метод – способ организации деятельности, инвариантный к ее содержанию как в практическом, так и в когнитивном смысле (*инвариантный – не зависящий от любых изменений*).

Научный метод – универсальная мыслительная конструкция, способная выступать средством развития научной теории (теорий). Научные методы разрабатываются и транслируются в науке не только за счет непосредственных междисциплинарных взаимодействий, но и благодаря формированию философски отрефлексируемых методологий.

Методология – система научных методов, системообразующим основанием которой является единство дискурса – понятийного аппарата, выступающего инструментарием реализации данных методов.

Научный дискурс – система правил вербального (*т. е. словесного*) выражения научных идей на основе какого-либо типа научной рациональности. Научный дискурс неразрывно связан с определенной методологией. В различных научных отраслях вырабатываются соответствующие их методологическим основаниям научные языки, дискурсы со специфическим для них лексиконом (*причем надо особо отметить, что понятие – это идея, которая может быть выражена синонимичным рядом слов, словосочетаний*).

2. Предмет науки: онтология и методология

Предмет науки – открытая идеальная (понятийная) модель исследуемого объекта (*открытая модель – модель, которая может изменяться, дополняться*).

Понятия «методология» и «онтология» в области философии науки тесно взаимосвязаны. В традиционном смысле онтология – это учение о бытии. А в философии науки данное понятие приобрело более конкретный смысл: онтология – это система представлений об устройстве (структуре, функциях и т. д.) объекта исследования, т. е. его идеальная модель. У различных наук может быть один и тот же объект, но при этом каждая из них представляет собой особую предметную область, отличающуюся от других методологией, понятийным аппаратом.

Таким образом, у каждой науки есть свой понятийный аппарат, т. е. научный язык, средствами которого в научном сознании представлена особая онтологическая модель исследуемого объекта, а также методологические основания исследования. Научный дискурс неразрывно связан с соответствующими методами и онтологическими представлениями, присущими определенной области научного знания.

3. Понятие парадигмы. Роль научных парадигм в развитии науки

Томас Кун ввел в научный оборот понятие парадигмы как системы принятых в определенном научном сообществе способов (методов) постановки проблем и их решения. Каждое научное сообщество (парадигма) имеет также свою систему условностей, правил (относящихся, например, к организации научной деятельности, к нормам взаимодействия между учеными и т. д.).

Парадигма (др.-гр. *парадейгма* – первообраз) с семантической точки зрения – это система правил смыслообразования, задающая границы изменения значений терминов языка (в том числе юридического). Примером может послужить советская парадигма гражданского права, в котором отсутствовало понятие частной собственности. Это задавало соответствующие ограничения в постановке научных и законодотворческих проблем.

Научные методы (методологии) складываются в определенных научных парадигмах на достаточно объективных основаниях (хотя, конечно, субъективный момент в научном мышлении, в формировании научных дискурсов играет существенную роль). Научная парадигма – это понятие, в котором отражены не только основания предметной дифференциации научного знания, но и структура научной деятельности. Т. Кун использовал данное понятие для описания процесса развития науки как борьбы научных сообществ (парадигм).

Т. Кун выделяет следующие периоды в развитии науки: 1) формирование определенных парадигм; 2) их конкуренция; 3) установление в результате этой конкуренции доминирующей парадигмы (за этим следует так называемый период нормального развития науки); 4) устаревание доминирующей парадигмы, ее смена новыми.

Понятие парадигмы используется в современных научных текстах и в более широком значении: его можно применять во всех случаях, когда речь идет о некоторой системе смыслов, правила смыслообразования которой задают границы ее изменений. Например, если рассмотреть соотношение парадигмы публичного права и частноправовую парадигму, то в этом соотношении достаточно рельефно проступают их базовые различия. Каждой из них присущи специфические дискурсы.

4. Значение философских методологий в научном мышлении

Философское знание существует в виде определенных учений, школ, направлений, закрепившихся в интеллектуальной истории человечества в качестве оригинальных понятийных систем, несущих в себе *методологические инварианты научного мышления*. Смысловые связи между входящими в их лексикон терминами носят парадигмальный характер и составляют пространство больших посылок частнонаучных дедукций.

У каждой философской системы есть особый понятийный аппарат (язык), методологическая функция которого проявляется дискурсивно, т. е. в том, как он работает в научном мышлении и трансляции научных идей. Одно и то же слово в разных дискурсах может иметь совершенно разные смыслы. Дискурсы могут эвристично сочетаться в мышлении исследователя, но не должны произвольно смешиваться, так как это сводит на нет их методологическую эффективность.

Ученый должен отрефлексировать, какие дискурсы он использует в своем исследовании, четко выстроить их соотношение в тексте. Другими словами, автор перед тем, как приступить к проведению своего исследования, должен сначала определить методологию и соответственно с тем выяснить, какой дискурс он будет использовать. В противном случае возникнут терминологическая путаница и концептуальная размытость.

Например, для криминологических исследований причин преступности могут быть избраны различные методологические основания, которыми будут заданы подходы к самой постановке проблем, методы их решения: в рамках марксистской методологии будут изучаться экономические, социальные причины; с позиций экзистенциалистской методологии причины преступности следует искать в области чувств человека, экзистенциальных дихотомий; с точки зрения психоаналитической методологии причины преступности кроются в области бессознательного.

5. Влияние философских дискурсов на правовое мышление

В философии науки выделяются такие методы, как **общенаучные, частнонаучные, философские**, и предлагается выделять собственные методы юридической науки¹. Философские методологии и соответствующие дискурсы играют большую роль не только в юридической науке, но и в области юридической практики. А поскольку философское знание существует в виде определенных учений, школ, направлений, постольку можно говорить об очень широком спектре влияния философских дискурсов в юриспруденции. Всеобщность как основной атрибут философии придает философским дискурсам самый высокий уровень универсальности, а инвариантность частнонаучных методов парадигмально ограничена.

Современная правовая наука активно реализует возможности методологического плюрализма, т. е. свободного распоряжения широким спектром философских дискурсов. Монометодология играет негативную роль в развитии науки только в том

¹ Теория государства и права / под ред. В. Д. Перевалова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 17–18.

случае, если по политико-идеологическим соображениям занимает монопольное положение и исключает другие методологические подходы. Сама по себе моно-методологическая установка может быть в ряде случаев весьма плодотворной. Так, Д. А. Керимов, отдававший приоритет диалектико-материалистической философской традиции и придерживавшийся принципов монометодологии, в 1972 г. выпустил книгу «Философские проблемы права», в которой исследовал методологическое значение системы категорий материалистической диалектики в сфере правового мышления.

В те же годы в работах В. А. Туманова и его последователей доминировали установки методологического плюрализма (в 1970-е гг. такие установки по цензурным соображениям реализовались в форме критического анализа «буржуазной правовой идеологии»). Еще в 1971 г. В. А. Туманов изучал влияние основных философских направлений на правовую мысль. Исследование проводилось в контексте критики буржуазной правовой идеологии. Но фактически это был глубокий квалифицированный анализ западной философии права. «В качестве философских основ главных направлений современной буржуазной правовой мысли выступают феноменология, экзистенциализм, прагматизм, логический позитивизм, неотомизм»¹. Например, анализируя неокантианское направление в философии права, автор отмечал: «Границы саморазвития неокантианской методологии определяются выработанной в ее лоне иерархией правовых ценностей, которые носят характер фундаментальных констант правосознания. К их числу относятся правомерность, правдивость, любовь к ближнему...»².

Характеризуя экзистенциалистский дискурс в праве как «...естественное право со становящимся содержанием»³, В. А. Туманов указывал, что речь в данном случае идет о развитии права в его «микробытии»⁴. Сама по себе эта установка чрезвычайно плодотворна с точки зрения формирования гуманистических интенций в сфере правотворчества.

Спектр моделей соотношения методологических функций философии права и теории государства и права простирается от их полного отождествления до разграничения по научно обоснованным критериям. Оригинальную концепцию выдвинул М. Н. Марченко: «Находясь в процессе познания между философией права, с одной стороны, и отраслевыми юридическими дисциплинами – с другой, общая теория государства и права выступает в качестве своеобразного „передаточного“ – методологического, категориального, понятийного и тому подобного звена, от первой к последним»⁵.

6. Марксистский дискурс об общественном прогрессе

Экономические и социальные концепции К. Маркса оказали существенное влияние на мировую историю. Характер и последствия этого влияния в значительной степени обусловлены их идеологически искаженными интерпретациями. Даже самый краткий перечень последних весьма обширен:

марксизм был превращен в тотальную идеологию, основанную на превратном истолковании его идей, например, в революционной России, затем в СССР (так было и в Китае во времена маоистской «культурной революции»);

¹ Туманов В. А. Избранное. М., 2010. С. 313.

² Туманов В. А., Козюбро Н. И., Забигаило В. К. и др. Современная политико-правовая идеология. Критический анализ. Киев, 1985. С. 122.

³ Там же. С. 123.

⁴ Туманов В. А. Указ. соч. С. 363.

⁵ Философия права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2013. Т. 1. С. 64.

произвольно интерпретированные идеи К. Маркса активно использовались в 1960–1980-е гг. в отнюдь не пролетарских социально-политических движениях «новых левых», «хиппи» в Европе и Америке (их социальные последствия весьма противоречивы и ни в коей мере не соответствуют идеалам классического марксизма); в конце 1980-х гг., в период перестройки, все огрехи большевистских интерпретаций Марксова наследия были списаны на Карла Маркса (который, кстати, умер за 35 лет до русской революции 1917 г.).

Однако современный опыт социально-экономических кризисов, прокатившихся по всему миру, особенно в последние годы, вызвал интерес к оригиналам Марксовых работ, к их сохранившим актуальность идеям.

Остается за гранью понимания, почему оригинальные идеи К. Маркса огульно отождествляются с их эпигонскими, суррогатными интерпретациями, в том числе большевистскими.

К. Маркс входит в плеяду великих мыслителей, независимо от того, кто паразитировал на его идеях. Надо, наконец, избавиться от тенденции приписывать Платону тоталитаризм, Ницше – фашизм, Марксу – большевизм. Выдающиеся мыслители – достояние человечества, их наследие не надо отдавать на откуп его врагам.

Базовые идеи философско-правового контента Марксова наследия таковы:

1. Формула «*Общественное бытие определяет общественное сознание*» была использована К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве методологического обоснования идеи о правах трудящихся на достойные условия труда, материальное обеспечение и защиту от жестокой эксплуатации. Абсолютизация этой формулы не должна приводить к обвинениям К. Маркса в том, что он на первый план ставил не человека, а производственные отношения, классы, «массы» и что К. Маркс не гуманист. На самом деле К. Маркс доказывал, что «материальное производство – это раскрытая книга человеческой психологии». В работе «Капитал» К. Маркс создал целостную, фундаментальную макроэкономическую теорию, которая, как показывает время, не утрачивает значимости.

2. В работе «Критика готской программы» и других своих произведениях К. Маркс отрицал эгалитаризм, т. е. все теории «уравниловки». Он утверждал, что буквальное равенство в принципе невозможно (так как все люди разные и у них различные жизненные обстоятельства). Будучи юристом по образованию, К. Маркс доказывал, что равное право на собственность не влечет за собой права на равную собственность.

3. С точки зрения марксистской теории в России не должно было произойти пролетарской революции, потому что смена формаций, по Марксу, может быть обусловлена только тем, что одна формация полностью выполнила свою роль в истории и уже начинает мешать дальнейшему развитию общества. К. Маркс говорил о пролетариате как революционном классе только в этих контекстах. Капитализм, как и все предшествующие общественно-экономические формации, играет свою необходимую роль в истории, и капиталистический способ производства может быть уничтожен революционным пролетариатом только в «перезрелом состоянии капитализма» (а в России капитализм только начинался).

4. На основе концепции классовой структуры общества К. Маркс вывел следующую формулу: «*Право – возведенная в закон воля господствующего класса*». В советское время в учебниках по теории государства и права это определение представлялось как базовое определение права, но оно вырвано из Марксова контекста и абсолюти-

зировано. В работе «Критика гегелевской философии права» Маркс писал, что гражданское общество определяет государство, а не наоборот. Маркс считал, что частная собственность принадлежит капиталисту лишь частично, в остальном – она им управляет (это теория товарного фетишизма, согласно которой товар, капитал как фетиш властвуют и над производителем, и над собственником).

5. В своей концепции коммунистической формации Маркс без всяких эгалитаристских коннотаций построил концепцию преодоления буржуазного отчуждения, товарного фетишизма и в результате – создания общества, где человек является главным капиталом. Известна его формула: «Коммунизм – это капитализм, где капиталом становится сам человек». Вещная форма богатства исторически должна уйти, и на смену ей придет новая форма богатства – всестороннее развитие человеческих способностей. И если мерилom вещественной формы богатства является рабочее время, то в коммунистической формации мерилom богатства становится свободное время – как пространство всестороннего развития человека.

7. Философские основания психологической концепции права

Л. И. Петражицкий создал психологическую концепцию права. Основные ее идеи: закон – это только «фантазма», если в сознании граждан отсутствует готовность ему следовать; реальность права – в человеческих переживаниях по поводу законов и правоотношений.

В связи с этим ученый ввел понятия «правовые страсти», «правовые моторные возбуждения» и др. Правовед-новатор выделял следующие виды этих переживаний: 1) по поводу своих прав в связи с обязанностями других субъектов в отношении этих прав; 2) по поводу своих обязанностей в отношении прав других субъектов; 3) по поводу прав и обязанностей других субъектов по отношению друг к другу.

В концепции Л. И. Петражицкого достаточно отчетливо просматриваются ее философские основания: учение И. Канта об априорных началах права в основаниях разума (право заложено в основаниях разума), а также философия права И. Канта: концепции первообразов права, соотношения свободы воли и права.

Л. И. Петражицкий обосновывал концепцию, согласно которой эмоциональная готовность подчиняться закону вообще составляет одну из основ правовой реальности. В работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» автор оперировал широким спектром оригинальных терминов, характеризующих эмоциональную обусловленность поведения людей в сфере права: «правовые страсти», «правовые переживания», «правовые моторные возбуждения», «психические процессы правового типа». «Специфическая природа явлений права, нравственности, эстетики, их отличия друг от друга и от других переживаний коренятся не в области интеллектуального, а в области эмоционального, импульсивного», – писал Л. И. Петражицкий¹.

Законы официального положительного права Л. И. Петражицкий называл «правовыми изречениями», представляющими собой некоторую конструкцию единичных норм как таковых. (Действительно, каждая статья кодекса может быть разложена на ряд элементарных деятельностных императивов, обладающих моносмыслом.) Сами по себе правовые изречения являются, по Л. И. Петражицкому, «фантастическими величинами» – «фантазмами», если не актуализированы в правовых эмоциях субъек-

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Спб., 1909. Т. 1. С. 83.

ектов. Л. И. Петражицкий убедительно показывал социальную силу, которая держится в правовых эмоциях. Это относится и к «правовым моторным возбуждениям» по поводу альтернатив должностования и частного интереса, и к чувству попорнанной справедливости в отношении реализации собственных прав: «...Весьма сильные правовые эмоции... развиваются подчас у людей, отстаивающих свое право путем продолжительных и проходящих разные судебные инстанции... с переменным счастьем процессов... а этой почве развиваются и укореняются подчас такие сильные диспозиции к соответствующим правовым переживаниям и появляются такие страстные и бурные правовые эмоции, что подавляется и уничтожается действие прочего психического контрольного и сдерживающего аппарата... и субъект, „ослепленный“ правовую страстью, совершает действия, представляющиеся спокойному наблюдателю ненормальными, безумными, действиями сумасшедшего, психопата...»¹.

Психологическая концепция права обладает большим методологическим потенциалом в области юридической науки и практики (в частности, в проблемном поле прав человека, в криминологических исследовательских программах и многих других областях).

8. Предмет философии права

Понятие философии права ввел Г. Гегель. На базе прочитанных в 1817–1918 гг. лекций он выпустил книгу «Философия права». Ученый, определяя границы философско-правовой предметности, отмечал, что термин «философия» в русле ньютоновской традиции обычно применяется в смысле «наука», «некоторая технология вообще», и приводил ряд примеров, в числе которых фигурировал даже газетный заголовок «Философские принципы сохранения волос». Гегель разъяснял, что он вкладывает в понятие «философия» другой смысл, нежели Густав Гуго, понимавший под «философией права» позитивную теорию, в которой рассматриваются не умственные основания права, а его позитивные основания – законы, юридические конструкции.

Гегель исследовал идею права, и в данном контексте предмет философии права – это логика развития идеи права, разворачивающаяся в правовом мышлении как метод объективации человеческих смыслов в предметных формах права.

В предисловии к своей работе Гегель писал, что в предмет философии права не входит задача указывать государству, каким оно должно быть. Ее задача – исследовать, как право может быть познано, т. е. представлено в правосознании и профессиональном юридическом мышлении. Отсюда следует, что в качестве основной функции философии права Гегель выделял методологическую функцию, неразрывно связанную с мировоззренческой. Философия права имеет фундаментальное методологическое значение для юриспруденции, причем в области как теории, так и юридических практик. В контексте этих идей можно принять следующую дефиницию: «Предмет философии права – это методологические и мировоззренческие основания правового мышления, роль которых в саморазвитии права опосредуется философскими дискурсами».

9. Соотношение философии права и теории государства и права

У теории государства и права и философии права один объект – право, но это самостоятельные предметные области, потому что у них различный понятийный аппарат (что вовсе не исключает терминологических взаимопроникновений).

¹ Петражицкий Л. И. Указ. соч С. 64.

Конкретные различия состоят в следующем:

1. Теория государства и права исследует право на языке правовых категорий, а философия права – на языке философии (и поскольку философское знание представлено в различных учениях, школах, направлениях, то не существует какого-либо усредненного «общефилософского» языка, имеющего самостоятельное методологическое значение, каковым обладают различные философские дискурсы, связанные с соответствующими философскими методологическими подходами, концептами).

2. Теория государства и права (даже общая теория права), так или иначе, несет на себе отпечаток той правовой семьи, системы, которая доминирует в сознании ученого-правоведа в силу его включенности в определенную национальную правовую систему, в ее правовой менталитет. А философия права находится на метауровне (вне / над) по отношению к различиям правовых семей, национальных правовых систем и в силу высокого уровня общности может выступать методологическим основанием для сравнительного правоведения и других отраслей юридической науки.

Интересна проблема, поставленная русским правоведом Н. А. Зверевым, о соотношении предметных областей теории государства и права (ТП), философии права (ФП) и сравнительного правоведения (СП). Данное соотношение может быть представлено математической моделью:

$$ТП = \Sigma ФП + СП + ТП.$$

Из данного уравнения видно, что возникает парадоксальная альтернатива: или у ТП нет собственного предмета, или эта дисциплина включает в себя, наряду с другими предметными областями, и свою предметную область (саму себя), что противоречит правилам построения и решения уравнения.

Заслуживает внимания то, что Н. А. Зверев опередил время, применив модель парадокса каталогов до Бертрана Рассела (должен ли генеральный каталог всех каталогов содержать себя в своем перечне). В принципе, именно такого рода вопрос еще в античную эпоху был сформулирован мегарцами (парадокс лжеца).

10. Оппозиции классической и неклассической философии права, их противоборство в правосознании и юридической науке XX–XXI вв.

В XX в. основной проблемой, связанной с влиянием правосознания на развитие права, было противоборство между классической и неклассической традициями в философии права. В середине 60-х гг. XX в. эта оппозиционность наиболее рельефно проявилась не только в области теории, но и в общественных процессах: в постмодернистских социокультурных явлениях и в популяризации идей постструктурализма. Что касается социокультурных проявлений этих оппозиций, то речь должна идти о молодежных движениях «новых левых» (например, в 1968 г. в Нантере прошли всколыхнувшие политический режим Франции выступления студентов и преподавателей, направленные против «обветшавших ценностей буржуазного мира»); зарождение и развитие субкультуры хиппи, связанные с отказом от моральных, правовых, политических и в целом культурных общепринятых ценностей, идеалов.

Что касается оппозиций в сфере правосознания, юридической науки, то необходимо упомянуть о широком распространении в этой области идей постструктурализма – Мишеля Фуко, Феликса Гваттари, Жака Деррида, Жюль Делеза, Юлии Кристевой и др.

Суть этой оппозиции в следующем:

1) с точки зрения классической ФП идеалом свободного человека является человек, руководствующийся в своих поступках разумом, и свободным является поступок, основанный на разуме;

2) напротив, с точки зрения неклассической ФП свободным является поступок, основанный на безумии, т. е. поступок, обладающий признаками девиантности, а идеалом свободного человека является шизоид.

Эти постмодернистские идеи оказали существенное влияние не только на западное правосознание. Как отметил в постсоветское время министр внутренних дел (1995–1998) А. С. Куликов на одной из представительных конференций, рост молодежной преступности в нашей стране во многом обусловлен проникновением в общественное сознание идей постмодернизма.

Парадоксальные идеологемы постструктурализма, которые звучали в то время новаторски, на самом деле уходят своими корнями в концепцию Ницше о власти языка над мышлением людей. Данные подходы и по сей день имеют большое методологическое значение для исследования не только современного правосознания, но и криминологических аспектов современной цивилизации.

Одна из основных «интриг» современного правосознания заключается в противостоянии классической и неклассической концепций свободы¹.

Альтернативой кантовскому пониманию человеческой свободы, базирующейся на разумных началах, выступает постструктуралистский идеал свободы, обретаемой в безумии, девиации. Проблема правовой регламентации девиантных форм поведения приобрела на Западе новую транскрипцию: защита права на отклоняющееся поведение.

В дискуссиях о соотношении права и свободы центральными являются вопросы юридикализации понятия «свобода», поскольку именно оно задает логику законодательного мышления в области совершенствования норм о правах человека.

Классическая новоевропейская концепция практической (реализуемой в поступке) свободы строится на том, что ее регламентация со стороны общества задается открыто манифестируемыми нормами, которые в конечном счете выступают предметом осмысленного выбора.

Постструктурализм же настаивает на том, что подлинная властная регламентация человеческого поведения осуществляется скрыто, на уровне повседневных дискурсивных практик. В результате поступки, основанные на разумном, осознанном выборе, несвободны, ибо совершаются по латентно заложенным в самом языке стереотипным схемам подчинения человека власти. И только выход из-под контроля довлеющего дискурса – отклоняющееся (девиантное) поведение, «безумие» – дает субъекту возможность избежать повседневного рабства, в которое вовлечены все, кто нормален.

Таким образом, в постструктуралистской философии свобода ассоциируется с тотальной антинормативностью. На правосознание это проецируется как легитимация различных форм девиантного поведения и выступает ассоциативной базой агрессивно внедряемых в массовое сознание идеологем «окон Овертона», транслирующих стандарты порочных мотиваций.

¹ Малинова И. П. Альтернативы свободы в современном правосознании // Рос. юрид. журн. 2000. № 4.

Цивилизованное правосознание не может строиться на резком противопоставлении различных «этажей» человеческой воли и сознания. Право призвано сохранять и культивировать человеческую целостность. Подлинный смысл коренного для права понятия «свобода» в равной мере далек как от одномерного, плоского консерватизма, так и от его фиктивного антипода – радикального отрицания традиционных ценностей. Человек свободен ровно настолько, насколько располагает собою в качестве культурного существа и способен освоить те возможности, которые культура дает ему для самореализации.

11. Неклассическая философия права.

Постструктуралистская концепция соотношения свободы и права

В 60-х гг. XX в., т. е. в период доминирования постмодернистской парадигмы культуры, такие известные представители постструктурализма, как Мишель Фуко, Феликс Гваттари, Жак Деррида, Жиль Делез, Юлия Кристева и др., создали концепцию, согласно которой свободным является только поступок, основанный на безумии. Она получила большое распространение и имела далеко идущие социальные последствия во всем мире.

Рассмотрим последовательно, какова суть неклассической постструктуралистской концепции соотношения свободы и права по сравнению с классической.

Как отмечалось ранее, согласно концепции постструктуралистов свободным является поступок, основанный на безумии, а идеалом свободного человека – шиз, шизоид, шизофреник. При всей видимой абсурдности этих идей они оказали существенное влияние на правосознание XX в. Логика постструктуралистских построений такова:

1. Постструктуралисты, развивая идеи Ф. Ницше, исходили из того, что в обществе, кроме институциональных форм власти, существуют и неинституциональные. В первую очередь это власть языка, т. е. власть над мышлением. (Ф. Ницше в работе «К генеалогии морали» писал о том, что «властвующие натуры узурпируют право давать имена вещам, гарантируя себе тем самым власть над мышлением людей».)

2. Естественным, неотъемлемым правом человека является его право на свободу.

3. Для того чтобы избавиться от репрессивной функции языка и тем самым обрести свободу, надо сойти с ума, т. е. выйти из-под власти языковых штампов и тех норм, которые навязываются средствами языка. Власть языка находит выражение, например, в идеологемах двойных стандартов (так, в западных СМИ, подменяя понятия, называли повстанцами террористов Беслана).

4. Логика постструктурализма задает провокационные ориентиры: поскольку условием реализации неотъемлемого права человека на свободу являются отклоняющиеся формы мышления и поведения, постольку человек имеет право на девиантное поведение.

5. Эта теория пользовалась огромным спросом у западной молодежи и других слоев населения, но она носит социально-деструктивный характер.

Критические замечания. Во-первых, криминогенность идей постструктурализма во многом связана с тем, что критерии демаркации между девиантным и деликтным поведением не являются абсолютными константами. Следовательно, категоричная, манифестированная на уровне доктрины прав человека легитимация девиантности неизбежно провоцирует рост преступности. Во-вторых, сумасбродство и девиации не делают человека свободным, поскольку бред сумасшедшего – это бред на том языке,

на котором сумасшедший до этого мыслил и говорил, просто выраженный в утрированной форме.

Достойной альтернативой постструктуралистскому отождествлению свободы и произвола являются классические философско-правовые концепции соотношения свободы и права, согласно которым единственно эффективными гарантами свободы личности, ее защиты от манипуляций над сознанием являются культура, образованность и просвещенность человека.

(Продолжение лекций будет опубликовано в 6-м номере «Электронного приложения к „Российскому юридическому журналу“» за 2016 г.)

Библиография

Малинова И. П. Альтернативы свободы в современном правосознании // Рос. юрид. журн. 2000. № 4.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Спб., 1909. Т. 1.

Теория государства и права / под ред. В. Д. Первалова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

Туманов В. А. Избранное. М., 2010.

Туманов В. А., Козюбро Н. И., Забигаило В. К. и др. Современная политико-правовая идеология. Критический анализ. Киев, 1985.

Философия права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2013. Т. 1.

Bibliography

Filosofiya prava: kurs lekcij: v 2 t. / otv. red. M. N. Marchenko. M., 2013. T. 1.

Malinova I. P. Al'ternativy svobody v sovremennom pravosoznanii // Ros. jurid. zhurn. 2000. № 4.

Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. Spb., 1909. T. 1.

Teoriya gosudarstva i prava / pod red. V. D. Perevalova. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2011.

Tumanov V. A. Izbrannoe. M., 2010.

Tumanov V. A., Kozyubro N. I., Zabigajlo V. K. i dr. Sovremennaya politiko-pravovaya ideologiya. Kriticheskij analiz. Kiev, 1985.